

юридической терминологии и не позволяет обеспечить единообразное толкование и применение нормативных правовых актов.

Следует полностью согласиться с мнением Н. И. Панова, утверждающего, что без четкого формирования «понятийных рядов» и понятийно-категориального аппарата невозможно добиться эффективности законодательства и правоприменения [4, с. 3]. Необходимо не только правильно подобрать правовые средства, но и адекватно довести свою волю до правоприменителей [5, с. 4]. Правовые нормы, перегруженные специальной разнообразной, не согласованной между собой терминологией, затрудняют процесс реализации права. Вышеизложенное обуславливает необходимость унификации категориального аппарата, закреплённого в источниках конституционного, экологического и градостроительного права.

Список использованных источников

1. Гаевская Е. Ю. Уголовное право как средство обеспечения экологической безопасности // Российский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 117–123.

2. Попов Ю. В. К вопросу о доктринальном описании и законодательном закреплении понятия «экологическое преступление» в контексте обеспечения экологической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 6. – С. 213–215.

3. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Экологическое благополучие: цель и средства достижения // Экономика и управление. – 2019. – № 5. – С. 32–43.

4. Панов Н. И. Проблемы методологии формирования категориально-понятийного аппарата юридической науки // Проблемы законности. – 2014. – № 126. – С. 3–13.

5. Алексеев Б. Т. Философские проблемы формализации знания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 168 с.

Данелян Р. С., Данелян С. В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рита Суреновна Данелян, кандидат юридических наук, доцент; доцент
департамента права Института экономики, управления и права

Сергей Владимирович Данелян, кандидат юридических наук, доцент
департамента права Института экономики, управления и права

*Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226, г. Москва, Россия,
DanelyanRS@mgpu.ru*

Понятие «незаконная охота» в российском уголовном законодательстве отсутствует. Как известно, диспозиция ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) носит бланкетный характер и,

согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – Постановление ПВС № 21), при определении понятия «незаконная охота» следует учитывать терминологию, указанную в п. 5 ст. 1 Федерального закона от 24.07.2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 209-ФЗ). Данный закон определяет охоту как деятельность, связанную с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой.

Следует отметить, что правила, определяющие порядок получения права на занятие охотничьей деятельностью, а также порядок осуществления такой деятельности установлены в Федеральном законе № 209-ФЗ, Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О животном мире», Приказе Минприроды России от 24.07.2020 № 477 (ред. от 20.12.2022) «Об утверждении Правил охоты» и т. д. Охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охота без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты и т. п. признается незаконной.

Основанием привлечения лица к юридической ответственности является совершение правонарушения в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов. Из текста ч. 1 ст. 57 Федерального закона № 209-ФЗ вытекает, что законодатель, учитывая общественную опасность незаконной охоты, устанавливает административную, уголовную и иную ответственность. Например, к отношениям по охране животного мира, которые регулируются в целом природоохранным законодательством, могут быть применены общие положения гражданского законодательства о возмещении причиненного вреда, если в результате правонарушения уничтожены (повреждены) животные. Между тем вред, который причиняется животному миру, по своему содержанию не совпадает с понятием вреда, используемым в гражданском праве. В связи с этим некоторые авторы справедливо считают «необоснованным то обстоятельство, что возмещение вреда, причиненного окружающей природной среде, отождествляется с гражданско-правовым вредом, поскольку объекты окружающей среды (дикие животные в состоянии естественной свободы) не являются объектами гражданско-правовой защиты» [1, с. 126–134]. Очевидно, использование института гражданско-правовой ответственности не исключает возмещения вреда, нанесенного природной среде. Таким образом, в случае причинения вреда природе мы наблюдаем ситуацию, когда «общие гражданско-правовые нормы о возмещении вреда переплетаются с нормами специальной ответственности, образуя своеобразный эколого-экономический комплекс, облеченный правовой формой института возмещения вреда» [2, с. 155].

Ответственность за нарушение законодательства об охоте предусмотрена ст. 7.11, 8.35, 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.) (далее – КоАП РФ).

Повышенной степенью опасности обладает ряд нарушений правил охоты, в связи с чем они отнесены к уголовно наказуемым деяниям. Так, уголовно-правовой запрет установлен на поиск, отслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добычу, первичную переработку и транспортировку, если деяние совершено: а) с причинением крупного ущерба; б) с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в) в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; г) на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

В качестве дифференцирующих признаков, придающих более высокую степень опасности деянию, законодатель включил в ч. 2 ст. 258 УК РФ совершение деяния лицом с использованием служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо причинившего особо крупный ущерб.

Следует также отметить, что законодатель в п. 2 ст. 57 Федерального закона № 209-ФЗ к охоте приравнивает нахождение в охотничьих угодьях физических лиц с орудиями охоты и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами.

Ответственность за добычу особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, установлена ст. 258.1 УК РФ.

В практике применения законодательства об ответственности за незаконную охоту актуальными являются проблемы отграничения незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) от нарушения правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира (ст. 8.37 КоАП РФ), а также незаконной охоты, совершенной в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ), от уничтожения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений (ст. 8.35 КоАП РФ).

В судебной и следственной практике при отграничении уголовно-наказуемых деяний от административных правонарушений принимают во внимание такие объективные признаки, как размер причиненного ущерба, предмет, в отношении которого совершается деяние, место, а также способ, орудие и средства совершения деяния. Так, размер причиненного ущерба является признаком разграничения незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушения правил охоты (ст. 8.37 КоАП РФ). Если содеянное не повлекло причинение крупного ущерба, который исчисляется по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике и не должен превышать 40000 рублей, налицо административное правонарушение.

О признаках преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ, свидетельствует осуществление незаконной охоты с применением

механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, что исключает состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.2 ст. 8.37 КоАП РФ.

Помимо упомянутых, на признаки преступления указывает место совершения преступления – особо охраняемая природная территория, зона экологического бедствия или зона чрезвычайной экологической ситуации.

При разграничении незаконной охоты, совершенной в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ), и уничтожения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений (ст. 8.35 КоАП РФ) значение имеет факт добычи, уничтожения или повреждения в ходе незаконной охоты редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, что свидетельствует о наличии признаков преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ. При этом массовая гибель животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации, если эти последствия наступили в результате нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, подлежит квалификации по ст. 246 УК РФ.

Административное правонарушение, предусмотренное ст. 8.35 КоАП РФ, будет иметь место, если, как разъясняется в абз. 5 п. 14 Постановления ПВС № 21, добыча редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами, осуществлена путем изъятия таких животных из естественной природной среды без их уничтожения.

Проведенный небольшой анализ проблем законодательной регламентации ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации позволяет констатировать, что в части охраны окружающей среды и природных ресурсов взаимосвязь двух отраслей права (административного и уголовного) свидетельствует о дифференцированном подходе к установлению соответствующих видов ответственности. Такой подход не только облегчает практику применения указанных норм, но и «позволяет избежать излишней уголовно-правовой репрессии» [3, с. 113].

Список использованных источников

1. Захаров Д. Е. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный животному миру // Власть Закона. – 2018. – № 3. – С. 126–134.
2. Петров В. В. Экология и право. – М.: Юридическая литература, 1981. – 224 с.
3. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2017. – 156 с.